

Александр Сергеевич Пученков,

д.и.н., профессор Института истории СПбГУ

Последняя обитель: феномен Белого Крыма в 1920 году

В период революции и Гражданской войны Крым последовательно прошел все стадии междоусобицы, которые были характерны и для всей России. Особенность политического процесса в Крыму проявлялась в том, что полуостров втягивался в драму невиданного ожесточения с ярко выраженным сопротивлением, потребности в борьбе «всех против всех» у местного населения, очевидно, не существовало; здесь, в благодатной Тавриде, классовое расслоение было не столь очевидно, а пролетариат плохо организован; на первых порах, крымское общество, видимо, пыталось отдавать предпочтение политическим методам решения существующих проблем, а не силовому варианту, вспышки террора носили очаговой характер, хотя и оставляли в сознании крымчан большой след, чем на материке. Неспособность местных сил к созданию своей дееспособной власти привела к тому, что Крым с удивительной легкостью переживал смену одного политического режима другим, относясь к этому в значительной мере равнодушно. Некая «курортная ленца» служила своеобразным иммунитетом от тех жестокостей и беспредела Гражданской войны, которые были характерны для тех же Киева и Петрограда.

Постепенно, однако, полуостров все с большей и большей неотвратимостью затягивался в воронку гражданского противостояния; в 1920 году, совершенно неожиданно для себя, Крым вышел на авансцену российской междоусобицы: здесь, в последние дни врангелевщины, было суждено прозвучать последним залпам большой Гражданской войны, здесь, в окаянные дни красного террора, звероподобная сущность братоубийства в неистово жестокой форме проявила себя ярче чем где бы то ни было. Наконец, отсюда, из Крыма, ушли на чужбину почти 150 тысяч наших соотечественников, большинство из которых больше никогда не вернулись на Родину. 150 тысяч соотечественников, ушедших в изгнание, и минимум 12 тысяч жертв красного террора. Наверное, уже сами по себе эти цифры показывают, что междоусобица в Крыму не была просто эпизодом Гражданской войны в России; скорее, они свидетельствуют о том, что на конечном этапе противостояния события на полуострове были уже ее олицетворением, а трагедия «Солнца мертвых» была просто концентрированным выражением всех предыдущих и последующих бед проклятого, по словам поэта Д. Самойлова, для нашего Отечества, двадцатого столетия.

Автор этих строк попытался найти какое-то одно слово, которым можно было бы определить всю беспримерную крымскую эпопею 1920 года.

«Надежда», «Бесстрашие», «Неудача» – все эти слова казались мне лишь дополнениями к какой-то другой, более точной, отражающей всю специфику того времени и условий, в которых проходил последний этап белой борьбы в европейской части России, дефиниции. Заранее предвидя шквал критики в свой адрес, полагаю, что определение «обреченность» позволяет понять и ту обстановку, в которой Врангель принял командование потрепанными в предыдущих боях белыми ратями, и самое главное – практически математически предопределенное их конечное поражение; или же, каламбуя, – «предрешенчество», которое в данном случае применимо к грядущему краху белых.

Были ли у белых сил в Крыму какие-то шансы добиться победы над Республикой Советов в 1920 году? Мне кажется, что в данном случае позволительно говорить о, «терміне», сиречь сроке, когда красные опрокинут белогвардейцев в море. Убежден, что сказанное выше представляет собой подступ, который позволяет выйти из историографического предполя к пониманию феномена врангелевского Крыма: Крымская эпопея должна была кончиться только тем, чем она кончилась».

В чем же феномен врангелевского Крыма? На взгляд автора этих строк, именно в короткие месяцы 1920 года, предшествующие окончательному поражению, в полной мере выявилась уникальность и альтернативность белого пути: Врангелю удалось показать, что Белое дело не сводилось исключительно к военному аспекту противоборства с красными; задавшись целью переориентироваться с военной стороны борьбы на идеологическую и государственно-созидательную, врангелевцы доказали, что опыт Белой России не сводится лишь к отрицанию Октября. В известной степени, можно утверждать, что феномен врангелевского Крыма – это один из последних примеров реализации национальной русской утопии в XX веке, причем с уверенностью в своей правоте, даже когда неудачный исход противостояния с большевиками был очевиден. Врангелевский Крым чем-то напоминал публику на «Титанике» после столкновения с айсбергом – одни продолжали веселиться, другие вспоминали о прошлой жизни, третьи невозмутимо продолжали заниматься своими делами, и лишь малая часть пыталась исправить случившееся. Большинство из них нашли свою смерть не в бою и не в большевистских застенках, а на Чужбине, где они могли с ностальгией вспоминать про достижения 1920 года. И действительно: в Крыму при Врангеле процветали наука и культура, была возрождена боеспособность армии, Правительство Юга России демонстрировало впечатляющую внешнеполитическую активность, выступая в качестве заметного, хотя и не равноправного игрока, на арене борьбы Польши и Советской России, участвовало в переговорах с Францией и добилось на них известного успеха. Врангелем была скорректирована национальная политика Деникина,

предпринимались серьезные усилия по разработке привлекательного для крепкого крестьянства земельного законодательства; в этом плане, что удивительно, врангелевскому Крыму, несмотря на всю ограниченность своей территории, удалось в какой-то степени вырваться из той матрицы «армия=государство», которая сковывала все устремления Деникина.

Масштабность фигуры Врангеля, оказавшегося не только талантливым полководцем, но и даровитым политиком, неопровержимо свидетельствовала о том, что Белое дело не сводилось только к войне с большевиками, а представляло собой наиболее вероятный – альтернативный ленинскому – путь развития страны. «Опыт Врангеля», как утверждалось в эмиграции, наглядно доказал, что белые были в состоянии обеспечить на подвластных им территориях полноценную экономическую, культурную и религиозную жизнь, покоящуюся, в отличие от большевиков, на прочном фундаменте закона и уважения к принципу частной собственности. Именно ввиду успехов, достигнутых в белом Крыму в плане воссоздания государственной и экономической жизни, большевики поспешили как можно скорее раздавить этот последний оплот антибольшевистской России в европейской части страны – в случае изменения отношения к ним внутри РСФСР Крым мог явиться не только знаменем нового этапа борьбы с советской идеологией, но и военным плацдармом для наступления на красных. Допускать этого большевики не желали, разбив Врангеля сразу после окончания военной фазы противоборства с поляками. Ввиду вышесказанного, Можно воспринимать крымский этап белой борьбы как наиболее успешный в плане государственного строительства, хотя и самый скоротечный, с одной стороны, и с наибольшей предопределенностью грядущего поражения – с другой. Осознание необходимости строить антибольшевистскую государственность, а не только бить красных на полях сражений, пришло к белым вождям лишь в последние месяцы Гражданской войны на Юге России.

К несчастью для белых они обратили свои взоры именно на политику, а не на войну, слишком поздно – прежде значения политики они не понимали, отождествляя войну гражданскую с войнами межгосударственными, в то время когда борьба лозунгов в том же самом кульминационном для итогов борьбы белых и красных 1919 году играла первенствующую роль; белые же от нее едва ли не намеренно уклонились, надеясь выиграть Гражданскую войну «вчистую» – только на полях сражений; когда же наступило прозрение – ко времени Врангеля – военный фактор играл уже определяющую роль, соотношение сил было настолько не в пользу «русской Вандеи», что обреченность белых на поражение была уже понятной – и для вождей, и для рядовых участников борьбы. Вместе с тем, подчеркнем, врангелевская эпопея

не была малозначимым эпизодом в истории южнорусского Белого движения: по своей драматургии, количеству событий, замыслов – как реализованных, так нереализованных, успехов и провалов, время «черного барона» сопоставимо с двумя первыми годами борьбы на Юге – семь с небольшим месяцев 1920 года значили для Белого дела не меньше, чем вся эпоха Алексеева-Корнилова-Деникина. Деятельность Врангеля в Крыму не только как военного, но и государственного деятеля реабилитировала Белое дело, возродила его честь и породила уверенность в том, что белые могут преуспевать не только как военные деятели, но и как созидатели. Вероятно, что и врангелевская армия, и РККА в 1920 г., в последний год Гражданской войны в европейской части России, соответствовали высшим стандартам тогдашнего военного дела.

Символично, что одна из лучших за все время Гражданской войны – едва ли не безупречная в военном отношении – операция Красной армии – прорыв Перекопа, напоминавшая о лучших традициях русского полководческого искусства, была в какой-то мере дополнена столь же безупречно проведенной силами славного русского Черноморского флота эвакуацией потерпевших поражение белогвардейцев и пожелавших к ним присоединиться представителей гражданского населения Крыма. И белые, и красные в этой войне были достойны победы. Жаль только, что две эти русские армии – Белая и Красная – воевали друг против друга.